

© Б. А. ЛАПИН, 2007

УДК 616-091:931:92 ДАВЫДОВСКИЙ

Ключевые слова: *И. В. Давыдовский, воспоминания.*

Б. А. Лапин

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УЧИТЕЛЕ

ГУ НИИ медицинской приматологии РАМН, 354376, Адлер

Будучи студентом III курса лечебного факультета II Московского медицинского института, я впервые встретился с Ипполитом Васильевичем в аудитории главного корпуса института на его первой лекции по патологической анатомии. Ипполит Васильевич, как правило, читал большую часть курса и первую лекцию обязательно читал лично. Наверное, первая лекция сыграла большую роль в моем решении стать патологоанатомом. После лекции я догнал на лестнице Ипполита Васильевича и спросил, могу ли я заниматься в патолого-анато-

мическом кружке. "Приходите завтра на кафедру, поговорим", — ответил он. На следующий день я понял: кружка, подобного тем, которые я встречал на других кафедрах, на кафедре Ипполита Васильевича не существует. Меня, как и других "кружковцев", Ипполит Васильевич прикрепил к ассистенту и сказал: "Вскрываюте тщательно вместе с прикрепленным ассистентом, разбирайтесь с каждым случаем, осваивайте гистологическую технику, микрофотографируйте, "сдавайте" случаи дежурному прозектору или прикрепленному ассистенту".

С этого разговора я отсчитываю свой патолого-анатомический стаж. Ипполит Васильевич приходил на кафедру точно в 9.00 утра, так что по нему можно было сверять часы.

Мимо кабинета шефа мы проходили, стараясь не шуметь, буквально на "цыпочках" (Ипполит Васильевич что-то писал на "цыпочках" (Ипполит Васильевич что-то писал иди просматривал гистологические препараты), и, естественно, нам не приходило в голову обращаться к нему в это время с какими-нибудь своими проблемами. Подобную щепетильность проявляли и другие члены кафедры — ассистенты, доценты, аспиранты. Однако существовали обстоятельства, позволяющие любому сотруднику кафедры без предварительной договоренности обратиться к Ипполиту Васильевичу: неясный или "интересный" секционный случай, требующий обсуждения с профессором. В этих случаях даже мы, "кружковцы" (а впоследствии аспиранты или ассистенты), просили служителя прозектуры В. К. Мосякина: "Василий Константинович, пригласите Ипполита Васильевича в прозектуру". И буквально через 1—2 мин Ипполит Васильевич спускался в прозектуру: "Докладывайте историю болезни, основные патолого-анатомические изменения". Ипполит Васильевич оставался у секционного стола подчас в течение длительного времени, пока не был сформулирован патолого-анатомический диагноз и не решены все неясные вопросы.

Врач, идейный руководитель патолого-анатомической службы в СССР (в то время, по-видимому, лучшей в мире, но в настоящее время, к сожалению, запущенной), он никогда не занимал никаких административных должностей в системе здравоохранения, никогда не был "главным патологоанатомом", но, не занимая этих должностей, он был "главным", и развитие патолого-анатомической системы СССР было связано с его именем. Его влияние осуществлялось через морфологические конференции, заседания Московского общества патологов. Ипполит Васильевич придавал перво-степенное значение практическим аспектам патолого-анатомической службы. Но особое внимание он уделял биопсиям, особенно срочным. Любый сотрудник кафедры или прозектуры в любое время мог обратиться к Ипполиту Васильевичу с просьбой проконсультировать биопсию. Он уделял этому разделу работы огромное внимание и требовал того же от работников кафедры и прозектуры.

Отношение Ипполита Васильевича к студентам и "кружковцам" отличалось, как правило, высокой степенью доверия. Уже через год "кружковцам" — студентам IV курса нередко поручалось выступать на клинико-анатомических конференциях с разбором секционных случаев. Я до сих пор полностью помню свой первый дебют-выступление на клинико-анатомической конференции в Яузской больнице, где председателями были академики И. В. Давыдовский и И. Г. Руфанов, а моим партнером — доцент кафедры хирургии. На патолого-анатомические конференции выносились случаи расхождения клинических и патолого-анатомических диагнозов или казуистические случаи, представляющие интерес для обсуждения. К таким конференциям мы готовились особенно тщательно, "перелопатив" горы литературы, и наша информация превращалась буквально в научный доклад (подобные выступления, по-видимому, также помогали Ипполиту Васильевичу оценивать "кружковцев" в

качестве потенциальных кандидатов в аспирантуру).

В случаях, когда обсуждался вопрос расхождения клинического и патолого-анатомического диагнозов, а докладчиком от патологоанатомов выступал "кружковец", Ипполит Васильевич до начала конференции предупреждал, что выступление патологоанатома не должно звучать по-прокурорски и докладчик должен вести себя тактично и не забывать о дискуссионном характере обсуждения.

Я уже упоминал об исключительной организованности Ипполита Васильевича. Это относилось к точности его прихода на работу, его участию в различных конференциях и заседаниях ученых советов, на которые он никогда не опаздывал. Раскланиваясь с присутствовавшими, Ипполит Васильевич занимал в аудитории свое постоянное место. Однако мне приходилось быть свидетелем и того, как по истечении установленного регламента, особенно когда заседание превращалось в пустую говорильню, Ипполит Васильевич поднимался, также раскланивался с аудиторией и уходил.

На научных конференциях он никогда не позволял себе манкировать работой, участвовал в работе заседаний до полного их завершения. Я вспоминаю международную конференцию в Сухуми, когда многие участники большую часть времени проводили на пляже. Ипполит Васильевич, сидя в полупустой аудитории, в ответ на предложение местного врача прогуляться в окрестностях Сухуми ответил: "Я приехал на конференцию работать и не могу позволить себе уходить с заседания".

Сотрудники Ипполита Васильевича при выполнении научных исследований пользовались большой свободой и самостоятельностью. Он никогда не навязывал свою точку зрения, внимательно знакомился с результатами исследований, предоставляя сотруднику самому их интерпретировать. Однако по завершении работы или на ее финальном этапе работа детально обсуждалась, а выводы ее нередко становились диаметрально противоположными.

Иногда, определив соискателям в самой общей форме диссертационную тему, Ипполит Васильевич мог в течение 1—1,5 года ни разу не спросить, как идет работа (это, естественно, не исключало обсуждения хода работы по инициативе соискателя). Как правило, подобная ситуация была связана с работой аспирантов, которым он доверял особенно, но по завершении работы она подвергалась тщательному анализу и обсуждению с исполнителем.

Лекции Ипполита Васильевича всегда собирали полную аудиторию, и нередко среди студентов III курса можно было видеть старшекурсников и даже преподавателей. И, естественно, весь коллектив кафедры от аспирантов до профессоров, присутствовал на всех лекциях.

От кафедры (которая в то время располагалась в Яузской больнице) до главного корпуса II Медицинского института на Пироговке Ипполит Васильевич и, естественно, мы, аспиранты, добирались несколькими видами транспорта. Ипполит Васильевич заранее готовил 15 копеек (стоимость трамвайного билета в то время) и первым, входя в вагон трамвая, приобретал билет и проходил вперед. Следом за ним в вагон вваливалась ватага аспирантов. Нам очень хотелось из озорства купить

билет Ипполиту Васильевичу. Однажды я успел первым пройти в вагон и взял у кондуктора несколько билетов, в том числе и для Ипполита Васильевича. Когда он протянул деньги кондуктору, я сказал: "Ипполит Васильевич, я уже взял билеты на всех, в том числе и для Вас". Ипполит Васильевич поблагодарил и протянул мне 15 копеек. "Ну что Вы, Ипполит Васильевич, это ведь мелочь". "Борис Аркадьевич, запомните, что профессор не может ездить с билетом, оплаченным его сотрудником". Больше мы подобных экспериментов не проводили.

Переехав из Москвы в Сухуми и начав работать на медико-биологической станции АМН СССР, я смог сохранить тесную связь с Ипполитом Васильевичем. После назначения меня заместителем директора медико-биологической станции (реорганизованной впоследствии в Институт) по научной работе мы обсуждали направления научных исследований института и вновь созданной лаборатории патологической анатомии.

Большим событием для медико-биологической станции стал приезд Ипполита Васильевича в Сухуми. Это совпало с Международной конференцией по сравнительной патологии приматов, в которой он принял активное участие. В этот период в лаборатории инфекционной патологии проводились исследования по дизентерии, и лаборатория, руководимая академиком АМН СССР В. Л. Троиц-

ким, усиленно пропагандировала существование "хронической дизентерии".

Зайдя в прозекутуру, когда там проводилось вскрытие обезьяны, погибшей от хронического колита, Ипполит Васильевич был буквально атакован микробиологами: "Видите, Ипполит Васильевич, вот от этой обезьяны неоднократно высевался возбудитель дизентерии". Ипполит Васильевич посмотрел на разрезанную кишку и сказал: "В такой плохой кишке может поселиться что угодно и даже дизентерия".

Ипполит Васильевич обладал парадоксальным мышлением, позволявшим ему находить неожиданные решения, подчас ставившие его оппонентов в затруднительное положение. Однажды, пригласив Ипполита Васильевича на вскрытие скоропостижно скончавшегося от острой коронарной недостаточности и обнаружив почти полную атеросклеротическую облитерацию нисходящей ветви левой венечной артерии, я риторически произнес: "Как он жил с такими сосудами?", на что Ипполит Васильевич отреагировал: "Вы лучше спросите, от чего он умер".

Прошло много лет после ухода Ипполита Васильевича. Я тщательно храню и периодически пересматриваю письма, написанные его рукой, сохранившиеся рукописи, рецензии, характеристики, горжусь и радуюсь, что мне довелось учиться и работать у этого замечательного человека и ученого.